

63(071)
п. 859 н.н.
46993.

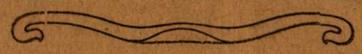
Хрон Кат 62528
39881

Д. Н. Прянишниковъ.

2682

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ.

(По поводу отклоненія одного законопроекта).

592/0

МОСКВА.
Типографія О. Л. Сомовой, Б. Никитская, д. Шапошниковой.
1912.

мрч
ч. 76
Д. Н. Прянишниковъ.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ.

(По поводу отклоненія одного законопроекта)

Отд. *63(07)*
Шифр *А. 859*
Инд. *46993*

Института

МОСКВА.

Типографія О. Л. Сомовой, Б. Никитская, д. Шапошниковой.
1912.

Наглядныя несообразности.

(По поводу отклоненія одного законопроекта).

(Оттискъ изъ журн. „Вѣстникъ Сел. Хоз.“ за 1912 г.).

Часто приходится слышать о недостаткѣ у насъ необходимаго числа лицъ съ учеными степенями для замѣщенія каедръ въ высшихъ школахъ; но врядь ли въ какой отрасли это сказалось по виѣшности съ такой остротой, какъ въ области знаній агрономическихъ, что особенно своеобразно для того момента въ развитіи „страны по преимуществу земледѣльческой“, когда наконецъ рѣшено приступить къ увеличенію числа высшихъ агрономическихъ школъ и даже найдены необходимыя для этого матеріальныя средства.

Значить ли это, что у насъ слабъ притокъ интересующихся агрономическими знаніями въ высшую школу, и не изъ кого отбирать лицъ съ научными наклонностями? Или нашу молодежь не увлекаютъ завѣты Либиха, Буссенго, Гельригеля и цѣлаго ряда другихъ ученыхъ, пользовавшихся фактами сельскохозяйственной дѣйствительности для открытія новыхъ законностей обще-научнаго значенія и тѣмъ одновременно способствовавшихъ поднятію земледѣлія на Западѣ?

Нѣтъ, читатель, къ счастью нашему, дѣло не въ этомъ,—наша агрономическая школа переполнена и даже далеко не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ работать въ ней; наличность научнаго интереса въ

учащейся молодежи несомнѣнна, да и способностями, по сравненію съ другими народами, насъ Богъ не обидѣлъ; русло научнаго изслѣдованія углубляется и расширяется какъ въ самой школѣ, такъ и на опытныхъ учрежденіяхъ, вступающихъ въ новую фазу своего развитія. Въ этой дѣятельной работѣ вырастаютъ новыя научныя силы, намѣчаются лица, несомнѣнно, достойныя и ученой степени и каѳедры; мы считаемъ по существу невѣрнымъ мнѣніе, будто въ Россіи нехватаетъ силъ для открытія новыхъ агрономическихъ школъ; достойные люди есть, трудность состоитъ лишь въ томъ, какъ ихъ формально признать таковыми, т.-е. какъ сдѣлать ихъ магистрами и докторами.

Причина недостаточнаго числа докторовъ (за четверть столѣтія 1884—1909 г. два докторскихъ диспута во всѣхъ русскихъ университетахъ!)* и магистровъ агрономіи коренится въ обстоятельствѣ чисто внѣшняго, можно сказать, канцелярскаго свойства; въ различныхъ вѣдомствахъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ проводились разныя мѣропріятія относительно ученыхъ степеней, которыя, однако, забывали между собою согласовать; вслѣдствіе этого несогласованнаго, непланомѣрнаго строительства получился своеобразный междувѣдомственный тупикъ, приводящій, коротко говоря, къ слѣдующему: *„воспрещается получать ученые степени по агрономіи лицамъ, прошедшимъ черезъ высшую агрономическую школу; требованіе же степеней отъ кандидатовъ на каѳедры остается въ силѣ“*.

Агрономы оказались приписанными къ одному вѣдомству, а степени по агрономіи къ другому; степени даются тамъ, гдѣ агрономовъ, собственно говоря, и не готовятъ, и средствами для этого не располагаютъ; тамъ же, гдѣ имѣется цѣлый рядъ специалистовъ (съ учеными степенями), располагающихъ раз-

*) Гельсингфорсъ и Дерптъ-Юрьевъ при этомъ не учтены.

нообразными пособіями и обстановкой для научныхъ работъ въ области агрономіи, и гдѣ имѣется возможность отбора лучшихъ изъ весьма значительнаго числа работниковъ,—тамъ отнято право давать степени; мало того, лица, работающія въ этой нормальной обстановкѣ, не могутъ, по дѣйствующему закону, обращаться за учеными степенями и въ ту инстанцію, которая облечена формальнымъ правомъ давать степени, но сама лишена фактической возможности въ должной мѣрѣ использовать свое право по отсутствію нормальныхъ условий для подготовки кандидатовъ (университеты).

Получилась какая-то злая насмѣшка и надъ институтами и надъ университетами. Кажется, если какой-либо злой геній захотѣлъ сыграть недобрую шутку надъ тѣми и другими учрежденіями и оставить Россію безъ докторовъ агрономіи, сохраняя при этомъ внѣшній декорумъ заботливости о высотѣ научнаго уровня, о преимуществахъ *universitas litterarum* и пр., то онъ не могъ бы этого сдѣлать лучше, чѣмъ это сдѣлала несогласованность разнорѣдностнаго строительства. Какъ будто кто-то пожелалъ лѣтъ 25 тому назадъ: „Сельскохозяйственныя академіи и институты да будутъ отнынѣ стерильны; какъ бы ни развивалась ихъ дѣятельность, научная и учебная, какими бы пособіями они ни обладали, все равно они будутъ лишены формальнаго права плодить докторовъ и магистровъ агрономіи. Университеты также будутъ стерильны, ибо хотя по формѣ они остаются единственными источниками ученыхъ степеней для агрономовъ, но они будутъ лишены средствъ использовать это право: ихъ одинокія каѳедры агрономіи не будутъ превращены въ цѣлыя отдѣленія (какъ это сдѣлано въ Германіи); онѣ будутъ изнемогать подъ бременемъ непосильной обязанности представлять собой всю агрономію, будутъ страдать отъ недостатка средствъ и пособій; кромѣ того, хотя имъ и будетъ, вообще

говоря, позволено давать ученые степени по агрономии, но только не лицам, прошедшим полную агрономическую школу“.

И это все сбылось.

Отдельные моменты такого бессистемного творчества были следующие. При переработке устава Петровской Академии (вообще слишком часто перерабатывавшагося) в конце восьмидесятых годов рѣшено было выпустить §, по которому оканчивающіе курсы Академии имѣли право получать ученые степени*). Произошло это подъ влияніемъ совершенно неосновательныхъ мотивовъ, а именно желанія нѣкоторыхъ лицъ, вліявшихъ тогда на судьбу академіи, придать ей (вопреки желанію совѣта) какой-то особенно практической характеръ, въ высшей школѣ неосуществимый (это стремленіе осуждено всей исторіей сельскохозяйственнаго образованія на Западѣ); на дѣлѣ никакого измѣненія въ характерѣ научной школы не произошло, но память объ этой попыткѣ отразилась въ нѣкоторыхъ пунктахъ короткое время дѣйствовавшаго послѣдняго устава. Въ дальнѣйшей судьбѣ вопроса играло нѣкоторую роль предположеніе будто за учеными степенями агрономы, работающіе научно, могутъ отправляться въ университеты.

Но такъ какъ „правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая“, то въ одномъ мѣстѣ барьеръ былъ опущенъ, а въ другомъ въ то же время его позабыли поднять, — старыя университетскія правила (1863 г.) объ уче-

*) Опубликованная въ 1889 г. редакція этого устава сохранила однако за Совѣтомъ Академіи право давать ученые степени лицамъ, прошедшим до поступленія въ Академію черезъ университетъ. Этотъ пунктъ не перешелъ затѣмъ въ „Положеніе о Московскомъ Сельскохозяйственномъ Институтѣ“ 1894 г., не по причинамъ принципиальнаго характера, а потому, что „считали преждевременнымъ рѣшать этотъ вопросъ, пока не опредѣлился составъ совѣта реформированнаго учрежденія и характеръ его дѣятельности“. (Не слѣдуетъ удивляться несовпадению этой мотивировки съ тѣмъ, что сказано въ текстѣ, ибо эти разнорѣчивыя положенія принадлежатъ разнымъ инстанціямъ).

ныхъ степеняхъ при введеніи устава 1884 г. не были пересмотрѣны, а они были въ свое время написаны только для оканчивающихъ университеты; оканчивающимъ же въ другихъ высшихъ школахъ путь къ университетскимъ степенямъ буквой этихъ правилъ прегражденъ; такъ получился тотъ между-вѣдомственный тупикъ, въ которомъ ущемлена научная агрономія въ Россіи.

Университеты при этомъ безъ своего вѣдома попали въ ложное положеніе, — ихъ никто не предупредилъ и не спросилъ: отнынѣ вы будете единственными инстанціями, дающими ученые степени агрономамъ въ Россіи; что вамъ нужно для выполненія этой роли“?

Если бы такой вопросъ былъ предложенъ, то отвѣтъ могъ бы быть двоякій: 1) или дайте доступъ къ ученымъ степенямъ въ университеты оканчивающимъ специальную школу*) или 2) перенесите въ университеты изученіе агрономіи, создайте агрономическія отдѣленія со многими кафедрами, со всей обстановкой, какъ это сдѣлала Германія. Но ни того, ни другого сдѣлано не было; мнѣніемъ университетовъ никто не заинтересовался; все произошло по какой-то инерціи, безъ общаго плана; такимъ образомъ, отнятіе права давать степени у Совѣта Петровской Академіи превратилось въ запрещеніе агрономамъ получать ученые степени по агрономіи въ Россіи.

Поэтому теперь съ учеными степенями по агрономіи дѣло обстоитъ совершенно такъ, какъ если бы, напр., *медицинскіе факультеты и медицинская академія были лишены права давать ученые степени, а на естественно-историческомъ отдѣленіи была одна лишь кафедра энциклопедіи медицины (безъ анатомическаго театра, клиникъ и пр.), уполномоченная давать степени по всей совокупности медицинскихъ наукъ, но*

*) Съ правомъ приглашать въ составъ факультета недостающихъ специалистовъ.

только никакъ не медикамъ, а лицамъ, оканчивающимъ естественно-историческое отдѣленіе.

Не было ли бы это признано тотчасъ же наглядной несообразностью?

Или что сказали бы юристы, если бы юридическій факультетъ лишенъ былъ возможности готовить для себя профессоровъ вслѣдствіе того, что именно оканчивающимъ юридическій факультетъ былъ бы запрещенъ доступъ къ степенямъ по юридическимъ наукамъ, а на историко-филологическомъ факультетѣ была бы единственная кафедра энциклопедіи права, уполномоченная давать эти степени, но только не юристамъ, а оканчивающимъ одно изъ отдѣлений историко-филологическаго факультета. А между тѣмъ по агрономіи дѣло обстоитъ буквально такъ, ибо современные агрономическіе институты и представляютъ изъ себя именно факультеты, построенные по одинаковому типу съ другими факультетами; по схемѣ наиболѣе близки они къ медицинскимъ факультетамъ, съ той, однако, лишь разницей, что они гораздо богаче медицинскихъ числомъ кафедръ по основному естествознанію и обстановкой ихъ. Мы уже имѣли случай указывать *), что по постановкѣ основныхъ естественно-научныхъ дисциплинъ агрономическіе институты во многихъ отношеніяхъ выдерживаютъ сравненіе съ самими физико-математическими факультетами, располагая, напр., по химіи, ботаникѣ, зоологіи, минералогіи и пр. почти тѣмъ же числомъ кафедръ и съ тѣми же учеными степенями ихъ замѣстителей, какъ и въ университетѣ; затѣмъ они имѣютъ цѣлый рядъ агрономическихъ кафедръ съ должными пособиями для спеціальныхъ изслѣдованій надъ соответственными объектами; поэтому, кромѣ лабораторій (химической, физической, бактериологической

*) См. брошюру автора „Университеты и агрономія“ 1911 г. Съ тѣхъ поръ произошло еще увеличеніе числа кафедръ какъ по основному естествознанію, такъ и по агрономіи (всего 29 кафедръ и 9 доцентуръ).

и ряда спеціальныхъ), имѣются еще опытные поля, селекціонные питомники, приспособленія для опытовъ съ растениями въ искусственной обстановкѣ (теплицы и „свѣтлицы“), опытный скотный дворъ, лѣсная дача, ферма; все это доставляетъ матеріалъ и обстановку для ряда опытовъ, для рѣшенія задачъ, которыя безъ такихъ пособій рѣшать невозможно.

Въ составѣ же русскихъ университетовъ (въ отличіе отъ нѣмецкихъ) пока нѣтъ агрономическихъ отдѣленій или, тѣмъ болѣе, факультетовъ, а есть только одна бѣдно обставленная кафедра для всей совокупности отдѣловъ агрономіи, лишенная какихъ бы то ни было пособій, кромѣ очень скромной лабораторіи (притомъ эта кафедра является не всегда замѣщенной); на представителя ея и ложится непосильная обязанность согласно устарѣлымъ правиламъ (1863 г.!) изображать изъ себя при магистерскихъ экзаменахъ цѣлый агрономическій факультетъ; такая постановка дѣла (порученіе одному преподавателю цѣлаго ряда дисциплинъ, которыми одновременно овладѣть нельзя) является *антиуниверситетской*. При этомъ представитель университетской кафедры не въ правѣ привлечь магистрантовъ изъ спеціальной школы, ибо параграфы правилъ объ учебныхъ степеняхъ, непересмотрѣнныхъ съ 1863 года, точно перечисляютъ, кто можетъ быть допущенъ къ экзаменамъ; таковыми являются только окончившіе университетъ да еще (въ особо уважительныхъ случаяхъ) доктора иностранныхъ университетовъ, имѣющіе выдающіяся научныя работы. Этимъ уставъ вынуждаетъ университеты отказывать лицамъ, окончившимъ русскія высшія школы, хотя бы они даже выдавались своими работами *).

*) Если имѣли мѣсто нѣкоторыя исключенія, сдѣланныя однимъ изъ университетовъ (Кіевскимъ), то для этого потребовалось особое Высочайшее разрѣшеніе. Нужно думать, что эти особые случаи, когда пришлось поступать *вопреки* дѣйствующему уставу, не могутъ быть для законодательныхъ учреждений аргу-

Такимъ образомъ, по естествознанію институтъ отнынѣ располагаетъ 10 кафедами противъ 11 въ университетѣ; а по разнымъ отдѣламъ агрономіи— 16 кафедръ (и доцентуръ) противъ одной; такъ какъ въ основѣ большинства агрономическихъ дисциплинъ (агрономическая химія, почвовѣдѣніе, земледѣліе, основы селекции, общая зоотехнія и т. д.) представляютъ изъ себя развитіе того же естествознанія, то смѣло можно утверждать, что теперь сельскохозяйственное отдѣленіе института есть ничто иное, какъ естественно-историческое отдѣленіе физ.-мат. факультета *плюс* рядъ кафедръ по разнымъ отдѣламъ агрономіи *).

И вотъ парадоксъ: казалось бы, можно ли представить, чтобы отдѣленіе или факультетъ, дающій

было бы ее вводить при сравненіи съ кафедрами физико-матем. факультета.

Нерѣдко при разговорѣ о правахъ на ученые степени поднимается вопросъ о наличии таковыхъ у современныхъ представителей института; мы уже сообщали подробныя данныя въ нашей рѣчи „Университеты и агрономія“; здѣсь только скажемъ, что достигнуть почти теоретически возможный (по существующимъ узаконеніямъ) максимумъ въ этомъ отношеніи; такъ, на сел.-хоз. отдѣленіи по 9 общимъ кафедрамъ (естествознаніе и политическая экономія) возможна докторская степень, —налицо имѣются 8 докторовъ (унив.) и одинъ магистръ; по спеціальнымъ предметамъ того же отдѣленія нельзя требовать докторской степени, потому что Петровская Академія давала только магистра; на дѣлѣ имѣется: 3 магистра Петровской Академіи, 1 магистръ унив., 1 докторъ унив., 1 магистръ ветеринаріи (последнее есть также возможная высшая степень). Затѣмъ есть нѣкоторые предметы (именно три: лѣсоводство, с.-х. механика и с.-х. технологія), по которымъ пока вовсе нельзя имѣть степень доктора или магистра, можно только имѣть высшій дипломъ по своей спеціальности и научные труды. Но приводить последнее обстоятельство какъ доводъ противъ права совѣта давать ученые степени, какъ это иногда дѣлается, значитъ впадать въ *circulus vitiosus*.

*) Съ будущаго года должны прибавиться еще новыя кафедры по нѣкоторымъ отдѣламъ зоологіи, по океанографіи и др. предметамъ (всего 5), въ связи съ открытіемъ новаго отдѣленія (по рыбководству); ихъ мы пока не принимали во вниманіе.

степени по разнымъ наукамъ, въ томъ числѣ и по агрономіи, лишился права давать ученые степени именно по агрономіи въ томъ случаѣ, если мы увеличимъ число агрономическихъ кафедръ на немъ?

А именно это и имѣетъ мѣсто въ настоящее время; физико-математическій факультетъ самъ по себѣ даетъ степени и по агрономіи, но тотъ же факультетъ съ придачей ряда агрономическихъ кафедръ (с.-х. институтъ) лишается права давать всякія степени, въ томъ числѣ и по агрономіи!

Какъ мы уже однажды отмѣчали *), тяжесть положенія университетской кафедры агрономіи не только въ томъ, что она одна, но и въ томъ, что на нее возлагаются обязанности, по существу невыполнимыя; офиціальная экзаменная программа для студентовъ по агрономіи содержитъ не только агрономическую химію и почвовѣдѣніе, но и земледѣліе (общее и частное), и зоотехнію, и даже нѣкоторые отдѣлы, связанные съ экономикой сельскаго хозяйства (системы полеводства и сѣвообороты); выполнение такой программы при наличности одного профессора было бы возможно только цѣной отступленія отъ основного требованія высшей школы, чтобы профессоръ не былъ простымъ референтомъ чужихъ изслѣдованій, но принималъ и самъ извѣстное участіе въ научной разработкѣ своего предмета. Возложеніе на одного спеціалиста преподаванія цѣлой энциклопедіи сельскаго хозяйства (да еще безъ должныхъ пособій) есть тяжкое бремя, парализующее творческую научную работу кафедры; необходимо или упростить задачу кафедры, оставивши въ программѣ лишь агрономическую химію (въ широкомъ смыслѣ слова) или же раздѣлить эту задачу между нѣсколькими кафедрами (что и имѣетъ мѣсто въ спеціальной агрономической школѣ).

Въ результатѣ такой неправильной постановки дѣла университеты не только не могли стать цен-

*) „Университеты и агрономія“, стр. 3.

трами, доставляющими докторовъ и магистровъ другимъ агрономическимъ школамъ, но они сами должны были пережить кризисъ, страдать отъ недостатка полноправныхъ кандидатовъ для замѣщенія собственныхъ кафедръ агрономіи. Достаточно сказать, что за первую четверть столѣтія дѣйствія современнаго университетскаго устава (1884—1909) во всѣхъ русскихъ университетахъ было лишь два случая защиты докторской диссертации (С. М. Богдановъ въ Кіевѣ и авторъ настоящей статьи въ Москвѣ*), но оба докторанта въ предыдущей своей подготовкѣ имѣли ту или иную связь съ Петровской Академіей (одинъ сдавалъ при ней магистрантскіе экзамены, другой окончилъ въ ней курсъ послѣ университета). Вообще университеты пользовались содѣйствіемъ специальныхъ школъ для замѣщенія своихъ кафедръ агрономіи. Такъ, извѣстный своей долготѣйней дѣятельностью въ Петербургѣ А. В. Совѣтовъ получилъ специальное образование въ Горигорѣцкомъ Институтѣ (впослѣдствіи закрытомъ); такъ, въ 70-хъ годахъ Казанскій университетъ командировалъ своего будущаго профессора В. И. Сорокина въ Петровскую Академію для подготовки къ кафедрѣ; такъ, въ 80-хъ годахъ Харьковскій и Кіевскій университеты командировали оставленныхъ при своихъ кафедрахъ А. Е. Зайкевича и С. М. Богданова въ ту же Петровскую Академію для занятій и сдачи магистерскихъ экзаменовъ. Въ Одессѣ кафедра въ настоящее время занята А. И. Набокихъ, получившимъ специальное образование въ Ново-Александрійскомъ Институтѣ, съ особаго Высочайшаго разрѣшенія**) допущеннымъ

*) Гельсингфорсъ и Дерпт-Юрьевъ, какъ выше уже сказано, здѣсь не учитываются (Гельсингфорсъ имѣетъ полное агрономическое отдѣленіе, или, иными словами, тамъ высшая агрономическая школа причислена къ университету).

**) Упомянутый исключительный путь—черезъ особое Высочайшее разрѣшеніе—далъ нѣсколькимъ лицамъ изъ Ново-Александріи возможность получить ученые степени въ Кіевскомъ уни-

къ соисканію ученыхъ степеней (недавно поэтому къ двумъ докторамъ агрономіи на русскихъ кафедрахъ прибавился третій). Въ Казани теперь кафедре занимается также лицо, получившее специальное образование въ Сельскохоз. Институтѣ въ Москвѣ (А. Н. Остряковъ). Въ Кіевѣ послѣ ухода С. М. Богданова кафедре занималъ В. В. Колкуновъ, также прошедшій черезъ специальную агрономическую школу (отдѣленіе Кіевскаго Политехникума). Въ Петербургѣ кафедра почти десять лѣтъ вакантна, ибо, когда университетъ послѣ смерти А. В. Совѣтова хотѣлъ выполнить букву устава и замѣстить ее непременно докторомъ, всѣхъ докторовъ въ Россіи оказалось тогда двое, и такъ какъ оба были заняты (Кіевъ и Петровское-Разумовское), то кафедра осталась вакантною; она пустуетъ и до сего дня.

Большая часть агрономическихъ кафедръ въ специальныхъ школахъ (Москва, Александрія, Кіевъ) замѣщена магистрами Петровской Академіи*); но такъ какъ они вскорѣ выслуживаютъ (а нѣкоторые и выслужили) свои предѣльные 30-лѣтніе сроки (учебной службы), то во всей остротѣ встаетъ вопросъ о томъ, кѣмъ же замѣщать въ будущемъ агрономическія кафедры не только въ новыхъ, но и въ старыхъ институтахъ.

Современный порядокъ, при которомъ степени какъ бы висятъ въ воздухѣ сами по себѣ и даже обладаютъ отталкивающей способностью по отношенію къ лицамъ, проходящимъ научную школу по агрономіи, не даетъ нормальнаго выхода изъ этого положенія.

Странная судьба вопроса о степеняхъ по агрономіи невольно напоминаетъ намъ одинъ фактъ изъ

верситетѣ, также какъ нѣсколькимъ окончившимъ Петровскую Академію—защищать диссертации въ Сельскохоз. Институтѣ.

*) Это была высшая степень по уставу Академіи, достаточная для полноправной профессуры и по современнымъ уставамъ с.-х. институтовъ.

исторіи строительства въ другой области—извѣстную исторію съ Мургабской плотинной первой постройки; тамъ цѣнное сооруженіе осталось стоять въ сухой степи, потому что въ періодъ разлива рѣка ушла отъ плотины, промывъ себѣ другое русло; такъ какъ невозможно было вернуть ее обратно, то пришлось затратить опять болѣе милліона рублей на сооруженіе новой плотины въ другомъ мѣстѣ, и только тогда удалось оросить громадную площадь, занятую теперь садами и виноградниками. Такъ и здѣсь—ученыя степени по агрономіи установлены тамъ, гдѣ нѣтъ должнаго притока подлежащаго фильтраціи матеріала, почти внѣ сферы возможнаго воздѣйствія на повышеніе научнаго уровня; рѣка же агрономической жизни течетъ совсѣмъ по иному руслу.

Разница только въ томъ, что здѣсь гораздо легче исправить дѣло—здѣсь созданіе „второй плотины“ не требуетъ ни копейки государственныхъ средствъ, а только нѣкоторой доли вниманія къ нуждамъ высшаго сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи со стороны законодательныхъ учрежденій.

Устраненіе вышеописанныхъ ненормальностей и имѣлось въ виду при проведеніи новаго устава Московскаго Сельскохозяйственнаго Института (первый проектъ этого устава выработанъ былъ Совѣтомъ Института въ 1908 году; правда, съ тѣхъ поръ онъ за рядъ лѣтъ претерпѣлъ нѣсколько переработокъ въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, не разъ опять возвращался въ Совѣтъ; послѣднія измѣненія, внесенныя въ междувѣдомственномъ совѣщаніи, дали уже 7-ю версію редакціи этого устава; но во всѣхъ стадіяхъ, во всѣхъ инстанціяхъ проектъ этотъ содержалъ § объ ученыхъ степеняхъ *).

*) Справку о неоднократныхъ прежнихъ ходатайствахъ Института интересующіеся найдутъ въ Отчетѣ Института за 1910 г. (Москва 1911 г.) въ статьѣ: „Объ установленіи особаго экзамена для лицъ, оставленныхъ при каедрѣ“. (Отчеты Института высылаются безплатно по заявленіи въ канцелярію Института).

Когда выяснилось, что университетскій уставъ не будетъ вскорѣ разсматриваться, то задержалось движеніе и нашего устава; тогда группа депутатовъ взяла на себя инициативу, не дожидаясь прохожденія всего устава, провести самыя важныя и насущныя измѣненія путемъ отдѣльныхъ законопроектовъ; таковыми были: 1) новые штаты, связанные почти съ удвоеніемъ числа каедръ; 2) созданіе сельскохозяйственныхъ опытныхъ учреждений при Институтѣ; 3) возстановленіе права на ученыя степени для оканчивающихъ Институтъ.

Соотвѣтственные законопроекты составлены были вѣдомствомъ; и вотъ первые два, требовавшія денежныхъ затратъ, прошли безпрепятственно всѣ инстанціи и уже имѣютъ силу законовъ; третій же законопроектъ, не связанный совершенно съ денежными затратами и столь очевидно насущный, по нѣкоторому стеченію обстоятельствъ не остановилъ на себѣ должнаго вниманія Государственнаго Совѣта и былъ отклоненъ на основаніи чисто апріорныхъ соображеній безъ разсмотрѣнія по существу.

Государственная Дума отнеслась къ законопроекту внимательно, онъ былъ предварительно разсмотрѣнъ въ двухъ комиссіяхъ (сельскохозяйственной и по народному образованію); тѣ апріорныя возраженія, которыя обычно являются у людей, незнакомыхъ съ фактическимъ положеніемъ этого вопроса въ Россіи, первоначально высказаны были отдѣльными лицами и тамъ, но по ознакомленіи съ матеріаломъ обѣ комиссіи въ послѣднемъ соединенномъ засѣданіи *) дружно поддержали законопроектъ, кото-

*) Изъ участниковъ этого засѣданія назовемъ В. К. Анрепа, А. Е. Березовскаго, С. М. Богданова, В. Ф. Грабскаго, гр. Капниста, М. Я. Капустина, Н. Л. Скалзубова, В. И. Степковскаго, Н. П. Шидловскаго; среди членовъ комиссіи и представителей вѣдомствъ были какъ профессора физико-математи-

рый былъ принятъ затѣмъ и въ общемъ собраніи Государственной Думы.

Но въ Государственный Совѣтъ законопроектъ попалъ, можно сказать, совсѣмъ не во время—въ концѣ сессіи (11 іюня), когда въ одинъ день разсмотрѣно было 53 доклада финансовой комиссіи, 12 законопроектовъ, трактуемыхъ, какъ „vermicelli“, и еще докладъ комиссіи объ образованіи Холмской губерніи, вызвавшей длинныя пренія; въ этотъ же день былъ доложенъ и интересующій насъ законопроектъ; противъ него поспѣшно высказались два лица, не успѣвшія даже всмотрѣться въ его содержаніе и замѣтить, въ чемъ заключается острота вопроса (они говорили только по поводу заглавія законопроекта, не вскрывши его сущности; насколько основательны были эти рѣчи, мы сейчасъ увидимъ); въ быстромъ темпѣ своей работы Государственный Совѣтъ повѣрилъ на слово этимъ двумъ ораторамъ и, что особенно жаль, пошелъ навстрѣчу предложенію одного изъ нихъ отклонить законопроектъ, не передавая его въ комиссію, не подумавъ надъ нимъ.

Центръ тяжести лежалъ между тѣмъ вовсе не въ принципиальной сторонѣ вопроса, какъ казалось говорившимъ, —ничего принципиально новаго не предлагалось; да и при какомъ угоднѣо принципиальномъ взглядѣ вопросъ этотъ не можетъ быть оставленъ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находится теперь, ибо нельзя же для разныхъ вѣдомствъ имѣть разные принципиальные отвѣты на одинъ и тотъ же вопросъ, и нельзя же рисковать дойти до того, чтобы заниматься невольными опытами отрицательной селекціи въ дѣлѣ замѣщенія кафедръ вновь учреждае-

ческаго факультета, такъ и специальной агрономической школы, такъ что каждая справка могла быть не только подтверждена формально, но и иллюстрирована фактами изъ современной дѣйствительности.

мыхъ (да и прежнихъ) агрономическихъ институтовъ.

Внесенный законопроектъ въ сущности заключаетъ въ слитной редакціи два предложенія (хотя и тѣсно связанныя), а не одно; въ вольной передачѣ мы ихъ сформируемъ ради ясности отдѣльно:

1) Возстанавливается право окончившихъ высшую агрономическую школу на соисканіе ученыхъ степеней по агрономіи (при условіи представленія извѣстныхъ доказательствъ научной работоспособности).

2) Возстанавливается право *совета* высшей агрономической школы давать ученые степени (доктора и магистра) оканчивающимъ курсъ въ ней.

Ораторы, выступавшіе въ Государственномъ Совѣтѣ и вызвавшіе отклоненіе законопроекта, ни единымъ словомъ не коснулись первой, въ сущности центральной стороны, очевидно потому, что не она была подчеркнута заголовкомъ законопроекта (говорившимъ „о правѣ Совѣта Института давать степени“ и пр.); они занялись лишь второй стороной вопроса (средствомъ къ достиженію извѣстной цѣли), первой же стороны (самой цѣли), повидимому, вовсе не замѣтили; поэтому-то они съ такимъ легкимъ сердцемъ „вмѣстѣ съ водой изъ ванны выплеснули и ребенка“.

Мы считаемъ, что означенные два вопроса при *данныхъ условіяхъ* правильно были соединены въ одинъ цѣльный законопроектъ, хотя, вообще говоря, они могутъ рѣшаться, конечно, и порознь, какъ это, напр., и предложилъ Т. В. Локоть въ своей статьѣ „Правъ ли былъ Государственный Совѣтъ“ („Новое Время“ отъ 16 іюня 1912 г.); именно онъ считаетъ необходимымъ дать агрономамъ возможность полученія ученыхъ степеней, но разрѣшаетъ этотъ вопросъ путемъ предоставленія университетамъ, во-первыхъ, права давать степени лицамъ, не прошедшимъ черезъ университетъ, а во-вторыхъ, право

приглашать въ соответственныхъ случаяхъ въ засѣданія факультета специалистовъ сельскохозяйственнаго института.

Однако, для проведенія такого рѣшенія нужно вѣдь еще было бы спросить мнѣнія университетовъ, а затѣмъ—измѣнить университетскій уставъ; а такъ какъ это—вопросъ самъ по себѣ очень громоздкій, да и не отъ самихъ университетовъ зависитъ измѣненіе устава, то мы предоставляемъ надѣяться на все это тѣмъ, кто ждетъ проявленія подобной инициативы (въ смыслѣ опроса мнѣній университетовъ и т. д.) со стороны вѣдомства народнаго просвѣщенія; но мы такихъ ожиданій не раздѣляемъ и считаемъ этотъ путь рѣшенія вопроса въ настоящее время безнадежнымъ. Вѣдомство же, непосредственно заинтересованное въ вопросѣ объ ученыхъ степеняхъ для агрономовъ, конечно, и не могло готовить другого законопроекта какъ только такого, который касается ему подчиненныхъ учреждений, поэтому оба названные вопроса [1] кто получаетъ степени, 2) какая инстанція ихъ даетъ] и являются въ законопроектѣ неразрывно связанными. Поэтому мы должны сказать, что *другого пути, помимо внесенія особаго законопроекта подобнаго отклоненному, къ быстрому и полному разрѣшенію означеннаго остраго вопроса въ настоящее время мы не видимъ.*

(О томъ, почему для выхода изъ тупика неудобно было бы, какъ предлагаютъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и ораторы Государственнаго Совѣта, хлопотать объ измѣненіи существующаго закона въ обратномъ направленіи, т. е. объ отмѣнѣ требованія ученыхъ степеней для замѣщенія кафедръ, мы будемъ говорить ниже).

Такъ какъ интересующій насъ законопроектъ въ его центральной части въ сущности остался безъ рассмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ, то, очевидно, ему предстоитъ вновь въ той или иной редакціи вернуться въ законодательныя учре-

жденія; такъ какъ тогда могутъ повториться снова и тѣ разсужденія, которыя были высказаны по поводу рассмотрѣнной части, то посмотримъ прежде всего, *были ли они хоть сколько-нибудь основательны.*

Изъ стенограммы засѣданія 11 іюня видно, что немногіе ораторы (2), успѣвшіе высказаться противъ законопроекта, *основывали свои заключенія главнымъ образомъ на слѣдующихъ четырехъ основныхъ погрѣшностяхъ:* 1) они исходили изъ невѣрныхъ и неполныхъ фактическихъ данныхъ о положеніи этого вопроса за границей; 2) вывели изъ этихъ невѣрныхъ данныхъ слѣдствія для Россіи, какія на самомъ дѣлѣ изъ нихъ не вытекали бы даже въ томъ случаѣ, если бы факты для заграничья были указаны вѣрно; 3) ошибочно увидѣли покушеніе на привилегіи университета въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ на дѣлѣ видѣть обратное—защиту научнаго достоинства университетовъ; 4) увидѣли опасность пониженія научнаго уровня докторовъ и магистровъ агрономіи въ такой мѣрѣ, которая какъ разъ позволяетъ достигнуть обратнаго: повышенія требованій какъ отъ ищущихъ ученыхъ степеней, такъ въ особенности отъ участниковъ въ конкурсахъ на замѣщеніе кафедръ.

Разсмотримъ эти четыре пункта послѣдовательно. Первой погрѣшностью преимущественно фактическаго свойства является утвержденіе, будто ученые степени и въ Россіи и за границей выдаются только университетами и только по чистымъ наукамъ (а потому будто бы законопроектъ предлагаетъ какое-то принципиальное новшество).

* Прямо непонятно, какъ могла остаться безъ возраженій столь невѣрная справка. Неужели же никому изъ присутствующихъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта не было извѣстно, что, напр., въ Германіи высшія техническія школы (Aachen, Berlin, Hannover и др.) имѣютъ право давать своимъ питомцамъ за научныя работы званіе доктора (Do-

ktor—Ingenieur)? Далѣе, имъ должно быть остались неизвѣстными такіе еще болѣе интересныя для даннаго случая факты, что, напримѣръ, Вѣнская высшая школа по земледѣлію (Hochschule für Bodenkultur) имѣетъ право давать за научныя работы званіе доктора земледѣлія (Doktor der Bodenkultur); что итальянскія высшія агрономическія школы (Milano, Portici, Perugia) тоже могутъ давать званіе „dottore di scientia agraria“ *). Но если данныя по Западной Европѣ могли быть неизвѣстными говорившимъ и собранію, то какъ для Россіи, помимо Петровской Академіи (неудачный опытъ отнятія степеней у которой и создалъ теперешнюю путаницу), не вспомнили про военно-медицинскую академію, представляющую учрежденіе совершенно аналогичное агрономическимъ институтамъ и дающую званіе доктора медицины? Кромѣ того, ученые степени даютъ духовныя академіи и ветеринарные институты.

Гдѣ же тотъ „вѣковой порядокъ“, согласно которому степени магистра и доктора выдаются одними университетами (стр. 4875 стенографическаго отчета) **)?

Точно также непонятно, какъ могла быть высказана (и оставлена безъ возраженія!) вторая часть приведеннаго утвержденія, будто университеты даютъ ученые степени только по „чистымъ наукамъ“. Кажется, всѣмъ извѣстно, что ученые степени даетъ медицинскій факультетъ (отъ котораго агрономическіе институты отличаются развѣ только большимъ развитіемъ въ нихъ основнаго естествознанія); далѣе, лицамъ, выступившимъ съ такимъ утвержденіемъ въ Государственномъ Совѣтѣ, навѣрное было извѣстно,

*) И Германія также рѣшаетъ положительнымъ образомъ вопросъ о правѣ агрономовъ на ученые степени, хотя путь для этого избираетъ иной (см. ниже).

***) Самая потребность ссылаться на несуществующую традицію говорить только о слабости позиціи говорившихъ, о недостаткѣ у нихъ аргументовъ, касающихся существа вопроса.

что ученые степени даетъ также юридическій факультетъ, о которомъ ужъ никакъ нельзя сказать, что онъ культивируетъ одно „чистое знаніе“ *).

А физико-математическій факультетъ даетъ ученые степени между прочимъ по технической химіи и по астрономіи, т.-е. по той именно отрасли знанія, по которой самая возможность учрежденія ученыхъ степеней казалась недопустимой ересью ораторамъ Государственнаго Совѣта, подсказавшимъ ему неудачное рѣшеніе—отклонить законопроектъ, не задумавшись надъ нимъ и не передавши въ комиссію, гдѣ хотя бы часть членовъ Государственнаго Совѣта могла выслушать болѣе вѣрныя справки.

Погрѣшности второй категоріи въ разсужденіяхъ лицъ, выступившихъ противъ законопроекта, состоятъ въ слѣдующемъ: если бы даже и не было въ ихъ рѣчахъ фактическихъ ошибокъ, ранѣе отмѣченныхъ, если бы было вѣрно, будто за границей только университеты даютъ ученые степени, то и тогда отсюда не вытекало бы никакихъ выводовъ для Россіи, никакихъ аргументовъ противъ принятія даннаго законопроекта, ибо есть существенная разница между постановкой университетовъ на Западѣ и у насъ: тамъ права университетовъ не ограничены такъ, какъ въ Россіи, тамъ университеты не вынуждаются уставомъ различать при допущеніи къ ученымъ степенямъ „кость бѣлую“ отъ „кости черной“, классиковъ отъ реалистовъ; тамъ нѣтъ запрета получать

*) Употребляемъ условно чужой терминъ, зная, что за нимъ легко могутъ скрываться фальшивыя представленія, основанныя на двусмысленности этого слова, смѣшеніи совершенно разныхъ вещей: 1) чистой научности въ смыслѣ строгой научности и 2) въ смыслѣ оторванности избраннаго вопроса отъ жизни. Въ первомъ случаѣ идетъ дѣло о правильномъ пользованіи методами, во второмъ случаѣ только о выборѣ темы для изслѣдованія. Условное дѣленіе знанія на чистое и прикладное сводится къ различному отграниченію областей изслѣдованія, къ выбору темъ, методы же и критеріи научности работы—одни и тѣ же въ обоихъ случаяхъ.

степени въ университетѣ окончившимъ специальную агрономическую школу, нѣтъ китайской стѣны, отдѣляющей у насъ непреодолимой преградой университетскія степени по агрономіи отъ главнаго русла агрономической жизни.

Возьмемъ, на примѣръ, положеніе Берлинской высшей сельско-хозяйственной школы (кстати сказать, весьма сходной и по постановкѣ, и по размѣрамъ съ Московскимъ Сельскохозяйственнымъ Институтомъ); окончивающіе въ этой школѣ могутъ получать степень доктора въ университетѣ, записываясь туда лишь на два добавочныхъ семестра (семестры, проведенные передъ тѣмъ въ Hochschule, зачитываются университетомъ); докторскую диссертацию можно готовить какъ въ лабораторіяхъ Hochschule, такъ и въ университетскихъ (также и наоборотъ—университетскіе докторанты нерѣдко приходятъ работать въ лабораторіи извѣстныхъ ученыхъ, занимающихъ кафедры въ Hochschule, а университеты затѣмъ принимаютъ эти работы какъ докторскія диссертации).

Если бы мы находились въ положеніи Берлинской Hochschule, мы, конечно, могли бы не тревожить своими ходатайствами объ ученыхъ степеняхъ ни вѣдомство, ни законодательныя учрежденія.

Еще проще обстоитъ дѣло, конечно, тамъ, гдѣ агрономическіе институты составляютъ часть самаго университета (Halle, Leipzig, Göttingen, Breslau и друг.).

Такимъ образомъ, въ Германіи не существуетъ нашего безвыходнаго тупика для работающихъ научно агрономовъ, желающихъ получить внѣшнюю санкцію своей научной компетентности *).

*) Нерѣдко по этому поводу приходится слышать: „Ну такъ пусть и у насъ университеты даютъ степени лицамъ, окончивающимъ специальныя школы“. Говорящіе такъ упускаютъ изъ виду, что въ такомъ пожеланіи такъ же мало реальной силы, какъ въ извѣстномъ милосливомъ разрѣшеніи гоголевскаго героя: „Ну хорошо, пусть онъ будетъ Бобчинскимъ!“ Вѣдь это вопросъ сложный,

Если специальныя школы Германіи добиваются тѣмъ не менѣе права давать ученныя степени (и въ цѣломъ рядѣ случаевъ его имѣютъ, какъ было перечислено выше), то для нихъ это чаще всего лишь „Dignitätsfrage“ или выраженіе потребности въ общественномъ признаніи за ними роли научныхъ центровъ, а вовсе въ этомъ нѣтъ тамъ того остраго вопроса для страны, нуждающейся въ научныхъ работникахъ, нѣтъ той очевидной несправедливости для агрономовъ, избирающихъ путь научной работы, какая имѣетъ мѣсто у насъ, въ Россіи.

И этого-то существеннаго различія не замѣтили лица, столь высокимъ слогомъ говорившія въ Государственномъ Совѣтѣ о мнимомъ „вѣковомъ порядкѣ“, якобы установившемся на Западѣ, о „поворотномъ пунктѣ“, о ломкѣ стародавняго правила, на самомъ дѣлѣ не существующаго *).

Итакъ, Западная Европа рѣшаетъ вопросъ объ ученыхъ степеняхъ для лицъ, получающихъ специальное агрономическое образованіе, *положительнымъ образомъ*, допуская для этого разнообразныя пути, а именно: 1) или специальная школа сама даетъ степени, 2) или окончившіе въ ней допускаются къ соисканію университетскихъ степеней, 3) или специальная школа включена въ составъ университета

связанный съ измѣненіемъ университетскаго устава, зависящій притомъ вовсе не отъ того вѣдомства, которое ближе всего заинтересовано въ разрѣшеніи вопроса объ ученыхъ степеняхъ для агрономовъ. Названное же рѣшеніе при современныхъ условіяхъ есть въ сущности отказъ отъ всякаго рѣшенія.

*) Кромѣ того, какъ бы ни рѣшалъ Государственный Совѣтъ принципиальнаго вопроса о степеняхъ по агрономіи и медицинѣ, нужно думать, что *ответъ долженъ быть все же одинъ для всѣхъ случаевъ*; теперь же этотъ вопросъ рѣшается положительно тамъ, гдѣ имѣется лишь одна кафедра агрономіи (часто пустующая), и онъ же рѣшается отрицательно тамъ, гдѣ имѣется полный агрономическій факультетъ, съ цѣлымъ рядомъ кафедръ и разнообразныхъ пособій, отвѣчающихъ клиникамъ медицинскаго факультета.

(какъ сельскохозяйственное отдѣленіе), тогда вопросъ рѣшается самъ собою.

Только у насъ нѣтъ ни одного пути, *только мы, „страна по преимуществу земледѣльческая“*, создали такой безвыходный тупикъ, да еще мало того — цѣлой четверти столѣтія такого отрицательнаго опыта намъ недостаточно, чтобы замѣтить и устранить причину застоя!

Третьяго рода погрѣшность, отмѣченная нами въ рѣчахъ противниковъ даннаго законопроекта, состоитъ въ томъ, что они увидѣли въ немъ покушеніе на привилегіи университетовъ, и, очевидно, искренне полагали, что они отстаиваютъ достоинство послѣднихъ. Такъ могли говорить только люди, совершенно незнакомые съ современнымъ положеніемъ вопроса объ ученыхъ степеняхъ по агрономіи въ университетѣ; для насъ же, близко стоящихъ къ этому*), ясно какъ разъ обратное: *достоинство университета требуетъ именно измѣненія существующаго порядка получения ученыхъ степеней по агрономіи, а не его сохраненія*. Мы уже имѣли случай высказать это въ другомъ мѣстѣ года два тому назадъ (рѣчь на XII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей на тему „Университеты и агрономія“); тамъ послѣ замѣчанія, что университетскія кафедры агрономіи нуждаются въ устраненіи ихъ ненормальнаго (анти-университетскаго) положенія, было сказано слѣдую-

*) Авторъ сдавалъ свои магистерскіе экзамены въ Московскомъ университетѣ, тамъ же защищалъ свои объ диссертации, и, состоя въ теченіе 20 лѣтъ приватъ-доцентомъ университета (по агрономической химіи), неоднократно привлекался факультетомъ къ участию въ диспутахъ въ качествѣ официальнаго оппонента; одновременно же, состоя профессоромъ спеціальной агрономической школы, авторъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, испытываетъ на себѣ всю несправедливость формальнаго безправія этого агрономическаго факультета, безправія, мѣшающаго профессорамъ создавать школу ближайшихъ учениковъ и будущихъ замѣстителей агрономическихъ кафедръ, которые какъ разъ теперь такъ нужны для страны.

щее: „еще болѣе тягостными, еще болѣе анти-университетскими, чѣмъ выполнение учебной программы въ духѣ устава 1884 года, являются устарѣвшія правила о магистерскихъ экзаменахъ по агрономіи при университетѣ, которыя уставъ 1884 г. оставилъ въ силѣ; эти правила составлены около полстолѣтія тому назадъ, когда не только агрономія, но и естествознаніе вообще стояло на другомъ уровнѣ, чѣмъ теперь“.

Достаточно сказать, что по этимъ правиламъ единственный представитель агрономіи въ университетѣ долженъ экзаменовывать магистрантовъ не только по агрономической химіи и почвовѣдѣнію, но и по землѣдѣлію (общему и частному), зоотехніи (общей и частной) и даже (по буквамъ правилъ) и по лѣсоводству. Такія разнородныя испытанія (безъ раздѣленія по спеціальностямъ, одинаковыя для всѣхъ) являются *тяжелымъ видомъ насилія* какъ надъ экзаменуемымъ, такъ въ особенности надъ *экзаменаторомъ*, котораго они ставятъ въ положеніе, не отвѣчающее достоинству преподавателя высшей школы; они *не отвѣчаютъ достоинству самаго университета* *), такъ какъ, не имѣя возможности поставить серьезно самое преподаваніе отдѣльныхъ дисциплинъ для студентовъ, университетъ обязанъ по нимъ производить магистерскіе экзамены“... „*Экзамены такого типа теперь уместны лишь въ спеціальныхъ школахъ, гдѣ агрономія представлена шестью кафедрами, а не одной; университеты же только тогда будутъ въ состояніи безъ ущерба для своего достоинства экзаменовывать въ томъ объемѣ, какого отъ нихъ требуютъ, когда ихъ кафедры превратятся въ цѣлыя отдѣленія“* *).

Какъ видитъ читатель, достоинство университета можно понимать и защищать по-разному. На нашъ взглядъ въ данномъ случаѣ достоинство университета состоитъ въ томъ, чтобы избавиться отъ насильно навязанной отвѣтственности, которую при

*) Курсивъ оригинала (1910 г.).

наличныхъ обстоятельствахъ невозможно нести съ честью для университета.

Наконецъ, наиболее парадоксально звучить то возраженіе, которое мы отмѣтили выше, какъ *четвертую изъ главныхъ погрѣшностей*, допущенныхъ въ разбираемыхъ нами рѣчахъ; оно состоитъ въ предположеніи, будто новый законопроектъ, вызвавши увеличеніе числа докторовъ и магистровъ, повлечетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пониженіе научнаго уровня носителей этихъ степеней. Удивительна самая исходная точка подобнаго разсужденія; очевидно, предполагается, что чѣмъ меньше докторовъ и магистровъ, тѣмъ выше ихъ научная компетентность, точно это какіе-то рѣдкіе камни, которые цѣнятся не за ихъ реальное значеніе, а за самую рѣдкость; не ближе ли къ дѣлу, однако, другая, хотя и менѣе лестная формулировка— „на безрыбьи и ракъ рыба“?

Кромѣ того, здѣсь дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: предлагаемый законъ позволить повысить эти требованія, а если что дѣйствительно понижаетъ ихъ, то это современный порядокъ.

Что при предлагаемомъ порядкѣ магистерскіе экзамены будутъ производиться серьезнѣе, чѣмъ теперь, это слѣдуетъ уже изъ сообщеннаго выше: теперь въ университетѣ, по архаическимъ правиламъ 1863 г., одно и то же лицо вынуждено быть экзаминаторомъ по цѣлому ряду совершенно разнородныхъ дисциплинъ, входящихъ въ составъ агрономіи (почвовѣдѣніе, земледѣліе общее и частное, зоотехнія общая и частная и лѣсоводство); ясно, что при такихъ условіяхъ экзамены не могутъ быть одинаково серьезными по всѣмъ отдѣламъ, а иногда сводятся къ завѣдомой формальности. Предлагается же установить такой порядокъ, при которомъ по каждой названной отрасли предлагаютъ вопросы въ засѣданіи Совѣта отдѣльные специалисты, обладающіе не только опытомъ преподавателя, но и *опытомъ изслѣдователя* въ своей области.

Экзамены же по основнымъ наукамъ (извѣстные отдѣлы химіи, фізіологія растений, фізіологія животныхъ и др.) будутъ производиться такъ же, какъ въ университетѣ, представителями соответственныхъ кафедръ, обладающихъ такимъ же научнымъ цензомъ, какъ и въ университетѣ*).

Неправильно также въ современномъ порядкѣ (или, вѣрнѣе, въ пережиткѣ отъ 1863 г.), что одно и то же лицо вынуждаютъ держать экзамены по слишкомъ разнообразному списку разнородныхъ дисциплинъ; это обстоятельство мѣшаетъ углубленію въ область основныхъ наукъ, связанныхъ съ избираемой магистрантомъ специальностью, и также, въ случаѣ принятія законопроекта, подлежитъ измѣненію (путемъ составленія соответственныхъ правилъ для экзамена) въ направленіи, благопріятствующемъ повышенію научнаго уровня будущихъ магистровъ.

Все сказанное по отношенію къ экзаменамъ относится и къ оцѣнкѣ научныхъ работъ, представляемыхъ въ качествѣ диссертаций: представители всѣхъ отдѣловъ естествознанія (и даже математики) имѣются въ совѣтѣ института какъ и въ университетѣ, но къ нимъ добавляется рядъ специалистовъ, которыми университетъ не располагаетъ.

Гораздо болѣе существенной, однако, чѣмъ повышение требованій къ магистрантамъ, является возможность повышения требованій къ кандидатамъ на кафедры, открываемыя новымъ законопроектomъ.

Теперь въ сущности нормальный конкурсъ на кафедры агрономіи невозможенъ даже для того первоисточника, который обладаетъ правомъ давать ученныя степени, т.-е. для университета; разъ имѣются десятилѣтніями пустующія кафедры въ университетахъ (за отсутствіемъ докторовъ), то тотъ изъ очень немногихъ кандидатовъ (все-таки иногда нарождающихся при университетахъ), который, наконецъ, за-

*) См. данныя на стр. 9 и 10.

щитить диссертацию, и явится монополистомъ, находящимся внѣ конкурса; никакой выборъ невозможенъ. Точно такъ же для сельскохозяйственныхъ институтовъ требуются по уставу лица со степенью, по крайней мѣрѣ, магистра; такъ какъ магистры Петровской Академіи давно всѣ заняты (въ Москвѣ, Александріи и Кіевѣ), и многіе изъ нихъ выслуживаютъ свои 30-лѣтія, а магистровъ университетскихъ тоже и вообще мало, а свободныхъ изъ нихъ еще меньше (это только очень немногія единицы, не устроившіяся при университетахъ въ качествѣ „и. о. экстраординарныхъ профессоровъ“), то можно себя представить, насколько нормаленъ будетъ конкурсъ, напр., въ Воронежѣ; если стоять вмѣстѣ съ Государственнымъ Совѣтомъ на точкѣ зрѣнія неизмѣнности существующихъ узаконеній, ни о какой строгости отбора рѣчи при этомъ быть не можетъ*). Другое дѣло было бы, если бы принять былъ законопроектъ: это позволило бы сельскохозяйственнымъ институтамъ теперь же санкціонировать научныя заслуги значительнаго числа зрѣлыхъ работниковъ въ области агрономіи, имѣющихъ нерѣдко имя въ спеціальной литературѣ, частью имѣющихъ и преподавательскій опытъ; сюда относятся многіе питомцы сельскохозяйственныхъ институтовъ, руководящіе дѣятельностью опытныхъ станцій и сел.-хоз. лабораторій, преподающіе на высшихъ женскихъ сельскохозяйственныхъ курсахъ, многіе изъ старшихъ ассистентовъ въ институтахъ, наконецъ, лица, оставившіяся при институтскихъ кафедрахъ для приготовления къ научной дѣятельности**).

Вотъ если бы этимъ силамъ открытъ дорогу къ ученымъ степенямъ, то конкурсъ на кафедры въ Воронежѣ (и другихъ институтахъ) не будетъ фик-

*) Даже возможно обратное—отрицательная селекція.

***) Это оставленіе при кафедрахъ не прерывалось за истекшій періодъ почти 25-лѣтняго лишенія степеней высшей агрономической школы.

тивнымъ, уровень требованій можно будетъ удерживать на должной высотѣ.

Итакъ, совершенно неосновательно было высказано предположеніе, будто предлагается понизить требованія къ магистрантамъ и докторантамъ; увеличеніе ихъ числа ожидается совсѣмъ отъ другихъ причинъ*).

Что же содержали еще рѣчи оппонентовъ, приведшія къ отклоненію законопроекта, кромѣ четырехъ выше отмѣченныхъ существенныхъ (по своей невѣрности) положеній?

Ничего, кромѣ еще нѣсколькихъ погрѣшностей второстепеннаго порядка и неудачно выбранныхъ примѣровъ.

Такъ, одинъ изъ ораторовъ говорилъ, что если дать право на ученые степени сельскохозяйственнымъ институтамъ, то трудно будетъ возражать противъ предоставленія такихъ же правъ и институтамъ технологическимъ, путей сообщенія и политехникумамъ (ст. 4871 стенографическаго отчета). Однако, такой аргументъ можетъ устрашить лишь тѣхъ, кому неизвѣстно, что въ Германіи высшія техническія школы уже даютъ званіе доктора (начиная съ 1899 г.; другіе примѣры см. выше).

Но независимо отъ этого, доводъ этотъ неудаченъ еще и въ другомъ отношеніи, именно: положеніе политехникумовъ не сравнимо съ положеніемъ агрономической высшей школы; чтобы *поставить политехникумы въ то же безвыходное положеніе, потребовалось бы осуществить слѣдующихъ два ряда противо-*

*) Насколько сущность законопроекта можетъ оставаться неизвѣстной лицамъ, высказывающимъ о немъ свое сужденіе, показываетъ такой фактъ, и смѣшной и печальный одновременно: нѣкто смѣшалъ данный законопроектъ, говорящій о *правѣ* на ученую степень лицъ, научно работающихъ и готовящихся къ занятію *кафедръ*, съ предложеніемъ (никѣмъ и никогда не дѣлавшимся) *требовать* ученой степени отъ *губернскихъ агрономовъ*.

рѣшительныхъ мѣропріятій: 1) установить, что для занятія каѳедры въ политехникумахъ требуется степень магистра или доктора инженерныхъ наукъ, но что ихъ питомцы не въ правѣ получать этой степени ни у себя дома, ни гдѣ-либо на сторонѣ; 2) одновременно установить, что физико-математическіе факультеты въ правѣ давать степень доктора инженерныхъ наукъ лицамъ, оканчивающимъ эти факультеты, но не дать факультетамъ никакихъ средствъ не только къ подготовкѣ докторовъ въ этой области, но даже къ постановкѣ элементарнаго обученія студентовъ по соответственнымъ дисциплинамъ.

Только при такихъ условіяхъ политехникумы оказались бы въ положеніи, аналогичномъ агрономическимъ высшимъ школамъ.

Точно такъ же неудачна была ссылка на Демидовскій Лицей, Филологическій Институтъ, Училище Правовѣдѣнія и Александровскій Лицей; хотя они и представляютъ такіе же отдѣльно стоящіе факультеты, какъ агрономическіе институты, но разница въ томъ, что оканчивающіе въ нихъ уже имѣютъ права на ученые степени, ибо они пользуются всѣми правами лицъ, оканчивающихъ соответственные факультеты университета. Точно такъ же эти институты могутъ получать себѣ кандидатовъ на каѳедры изъ университетовъ, вслѣдствіе той же причины — наличности такихъ же факультетовъ въ университетѣ; поэтому вопросъ объ ученыхъ степеняхъ для этихъ институтовъ лишень всякаго реальнаго значенія, — они имѣютъ уже все, что требуется, въ отличіе отъ институтовъ агрономическихъ *).

Нерѣдко указываютъ на слѣдующій „простой“ выходъ изъ затруднительнаго положенія въ дѣлѣ замѣщенія специальныхъ каѳедръ въ агрономическихъ

*) Между прочимъ, одинъ изъ ораторовъ въ Государственномъ Совѣтѣ говорилъ объ общеобразовательномъ значеніи *universitas litterarum*, о важности для студента послушать лекціи и на смежныхъ факультетахъ. Въ принципѣ все это правильно, но русская

школахъ; вмѣсто дополненія дѣйствующаго закона параграфомъ о правѣ давать ученые степени предлагаютъ хлопотать объ измѣненіи закона въ обратномъ смыслѣ, т.е. объ отмѣнѣ параграфа устава, требующаго ученыхъ степеней отъ кандидатовъ на каѳедры въ сельскохозяйственномъ институтѣ (такое указаніе встрѣчается и у одного изъ ораторовъ Государственнаго Совѣта).

Однако, благодарить за такой дружескій совѣтъ не приходится.

Конечно, въ крайности можно прибѣгать къ разнымъ пріемамъ, чтобы выбраться изъ тупика, созданнаго несогласованнымъ строительствомъ разныхъ вѣдомствъ въ концѣ прошлаго столѣтія; но вѣдь именно дѣло законодательныхъ учрежденій создать нормальный выходъ, а не говорить: „прыгайте черезъ заборъ!“

Нормальнымъ же этотъ путь мы считать не мо-

дѣйствительность иногда зло издѣвается надъ этими благими мыслями; такъ, авторъ изъ своихъ студенческихъ лѣтъ (80-е годы) хорошо помнитъ, какъ преслѣдовалось въ то время начальствомъ стремленіе студентовъ-естественниковъ побывать на лекціяхъ Ключевского и Чупрова — намъ приходилось дѣлать это тайкомъ. Поступивши же по окончаніи университета въ Петровскую Академію, авторъ могъ уже на законномъ основаніи слушать лекціи И. И. Иванюкова, А. О. Фортунатова, А. Н. Шишкина и И. Н. Миклашевскаго по различнымъ отдѣламъ общественныхъ наукъ. Но и независимо отъ преходящихъ обстоятельствъ, мы считаемъ агрономическую школу такимъ факультетомъ, прохожденіе котораго имѣетъ большое общеобразовательное значеніе, и поступленіе на который позволяетъ начинающему постепенно разбраться въ своихъ наклонностяхъ и способностяхъ, такъ какъ оно еще совершенно не предрѣшаетъ, чѣмъ будетъ поступающій въ жизни — земскимъ ли агрономомъ или педагогомъ, статистикомъ или устройтеlemъ кооперативовъ, будетъ ли работать научно по естественно-историческимъ основамъ агрономіи или разрабатывать вопросы экономики земледѣлія, будетъ ли заниматься самъ когда-либо хозяйствомъ или, какъ общественный дѣятель, будетъ создавать лучшія условія для поднятія народнаго хозяйства, — все это зависитъ отъ его сознательнаго выбора впоследствии.

жемъ по цѣлому ряду причинъ; такъ, при немъ остается въ силѣ вышеуказанная главная „наглядная несообразность“, по которой одна лишенная пособій кафедра энциклопедіи агропоміи обладаетъ формальнымъ правомъ готовить магистровъ и докторовъ по всѣмъ отдѣламъ агрономіи, а цѣлый факультетъ съ рядомъ кафедръ, опытныхъ учреждений и др. пособій остается безправнымъ.

Затѣмъ, съ какой же стати вообще относиться иначе къ правамъ агрономическихъ факультетовъ, чѣмъ медицинскихъ, юридическихъ и другихъ? Вотъ если бы шла рѣчь о томъ, чтобы вездѣ, на всѣхъ факультетахъ конкурсъ на кафедры велся по оцѣнкѣ суммы научныхъ трудовъ кандидатовъ, независимо отъ степеней, то объ этомъ можно бы говорить, но пусть этотъ общій вопросъ поднимаютъ въ такомъ случаѣ университеты. При существующемъ же общемъ порядкѣ дѣлать исключеніе, лишать только агрономическіе факультеты (институты) ученыхъ степеней было бы несправедливымъ и невѣрнымъ шагомъ. Достаточно вспомнить, что путь конкурса и выборовъ не есть пока закономъ закрѣпленный путь; а при пути назначенія (безъ конкурса) отмѣна требованія ученой степени отъ кандидатовъ на кафедры было бы дѣломъ прямо рискованнымъ.

Кромѣ того, лишать агрономическую школу ученыхъ степеней—это значило бы потворствовать и безъ того весьма распространенному въ обществѣ невѣжественному предрасудку, состоящему въ неразличеніи основныхъ задачъ высшей школы (спеціальной, какъ спеціаленъ и всякій факультетъ), въ которой студенты знакомятся не только съ результатами, но и съ методами научнаго изслѣдованія, отъ задачъ обученія техническимъ приѣмамъ и ремесленнымъ навыкамъ, которые на дѣлѣ пріобрѣтаются желающими лучше всего въ качествѣ практикантовъ въ хозяйствѣ и въ мастерской (притомъ внѣ прямой

связи съ тѣмъ, прошелъ ли практикантъ среднюю или высшую школу).

Съ этимъ вреднымъ смѣшеніемъ понятій стоитъ въ связи ходячее представленіе, будто въ агрономической школѣ преподается и разрабатывается какая-то иная наука, чѣмъ на другихъ факультетахъ. Но въ ней примѣняются тѣ же самые общіе научные методы; отличие состоитъ не въ методахъ, а въ матеріалѣ, въ иначе отграниченной области изслѣдованія, въ извѣстномъ выборѣ темъ и объектовъ; вѣдь, напримѣръ, законы питанія, законы наследственности и измѣнчивости одни и тѣ же у сельскохозяйственныхъ культурныхъ растений, какъ и высшихъ растений вообще; поэтому-то научные выводы, добытые въ агрономическихъ лабораторіяхъ, и попадають обычно на страницы руководствъ по тѣмъ или инымъ чистымъ наукамъ. Такимъ образомъ, цѣлыя главы фізіологіи растений были разработаны представителями агрономическихъ опытныхъ станцій (минеральное питаніе, роль азота воздуха)*); точно такъ же и фізіологія животныхъ пользуется данными зоотехническихъ лабораторій въ вопросахъ обмѣна веществъ, образованія жировъ, источника мускульной энергіи и пр.**). Такимъ образомъ, современная агрономическая школа является центромъ научной разработки цѣлаго ряда вопросовъ, и самый успѣхъ преподаванія въ ней, какъ и на другихъ факультетахъ, связанъ съ творческой работой изслѣдованія; отсюда и общность девиза со

*) Поэтому-то имена Буссенго, Ноббе, Кнопа, Ад. Майера, Гельригеля, Шульце, Толленса, Дегерона, Годлевскаго, Шлезинга, Мюнца (и многихъ другихъ) украшаютъ страницы не только курсовъ агрономической химіи, но и фізіологіи растений (подробнѣе см. въ рѣчи: „Универс. и агрономія“).

**) Напр., въ извѣстномъ курсѣ проф. Абдергаальдена «Physiologische Chemie» въ главѣ объ образованіи жировъ на счетъ углеводовъ используются работы профессора зоотехніи Петровской Академіи Н. П. Чирвонскаго.

всякой научной школой: „Explorando docemus!“*).

Но о задачах высшего сельскохозяйственного образования часто берутся судить многие неспособные различить научный интерес к явлениям в области сельского хозяйства от занятия самими хозяйственными операциями. Отсюда наивные представления, будто студентов обучают прежде всего умению пахать, косить, ковать лошадей; отсюда такие перлы, как вопрос по поводу ученых степеней по агрономии (долженствующий изображать *reductio ad absurdum*): „что же, будут также магистрыковки лошадей?“, обнаруживающий в спрашивающем глубокое непонимание духа высшей школы, незнание того, что ученая степень может даваться только за научное исследование, а не за виртуозность в искусстве, не за таланты администратора и организатора и тем более не за навыки ремесленника**).

Въковая *sancta simplicitas*! Ведь это—та самая путаница понятий, с которой боролся Тэер еще сто лет тому назад (смешение науки с искусством и даже ремеслом); сколько затем писал Либих о необходимости различать задачи научной школы от обучения практическим навыкам; да еще, известный как в Германии, так и за ее пределами Ю. Кюн потратил не мало усилий на борьбу с подобными же „несчастливыми мыслями“; на этом же различении задач научной школы от других задач многократно настаивали в России наши учителя (особенно И. А. Стебуръ и А. Ф. Фортунатов); очевидно, и нам борьбу с подобными предразсудками предстоит еще завязать нашим ученикам.

*) См. брошюру автора: „По высшим агрономическим школам Европы“. М. 1910 г.

**) Кроме того, подобные вопросы по поводу законопроекта обнаруживают отсутствие даже чисто формального умения читать текст законопроекта.

В широких кругах это зло, конечно, трудно искоренимо, но в прав же мы ожидать, чтобы представители законодательных учреждений не только были сами свободны от такого греха, но и помогли нам бороться с ним*).

И для этой цели, помимо ранее указанных неотложных требований момента, также важно, чтобы научный, университетский характер современной агрономической школы был ясно выражен во внешних правах ее на ученые степени, совершенно одинаковых с правами подобных ей факультетов, медицинского и юридического.

Но центр тяжести лежит, конечно, в устранении того ряда наглядных несообразностей, который очерчен нами выше, и которого основной

*) Мы взяли, конечно, резкие примеры явно-откровенных выступлений этого рода; но иногда они проявляются в формах более правдоподобной в глазах людей неосведомленных, в формах неопредѣленной, более трудной для опровержения. Напр., когда говорят, будто в „советах с.-х. институтов заседают не только представители науки, но и представители техники“, то, чтобы вскрыть двойственную неискренность такого утверждения, нужно знать, что представителей одной только техники в совете нет,—от всех членов совета требуется участие в научной работе; если же этим хотят сказать нечто другое, будто, напр., знакомство, кроме научной стороны, и с техническими приложениями той или иной дисциплины мешает профессорам быть настоящими учеными, то это тоже ошибочно; разве, напр., известный представитель математики и теоретической механики Н. Е. Жуковский перестает быть крупным ученым оттого, что он интересуется техникой авиационного дела? Или разве „Основы химии“ Менделѣева не иллюстрированы многими примерами и описаниями различных химических производств? Так и для представителей специальных кафедр агрономической школы общение с техникой необходимо в той мере, в какой для каждого исследователя необходимо знакомство с фактами действительности в области его исследования; от этого не изменяется его главная обязанность—учить других словом и примером приемам научного исследования в сфере известного круга вопросов (а не самой техникой, которой желающие лучше обучаются в мастерских, на заводах, в хозяйствах, чем при кафедре).

пунктъ состоитъ въ запрещеніи именно агрономамъ избирать путь научной и преподавательской дѣятельности въ области агрономіи.

Откройте же этотъ путь. А пока этого не сдѣлано, не удивляйтесь недостатку людей съ научнымъ цензомъ въ данной области,—вѣдь вы сами подрубаете то дерево, отъ котораго ждете плодоношенія.

Петровское-Разумовское.

Юль 1912 г.

Другія печатныя работы того же автора.

- 1) О распаденіи бѣлковыхъ веществъ при прорастаніи (1895). Ц. 80 к.
- 2) Бѣлковыя вещества и ихъ превращенія въ растеніи въ связи съ дыханіемъ ассимиляціей (1899). Ц. 1 р.
- 3) Доступна ли культурнымъ растеніямъ фосфорная кислота фосфоритовъ? (1899). Ц. 50 к.
- 4) Результаты вегетаціонныхъ опытовъ за 1899 и 1900 гг. (съ 8 таблицами). Ц. 60 к.
- 5) Изъ результатовъ вегетаціонныхъ опытовъ за 1901 — 1903 гг. Съ XII таблицами. Ц. 60 к.
- 6) Изъ результатовъ вегетаціонныхъ опытовъ 1904 — 07 г. Москва. 1909 г. Ц. 1 р. 20 к.
- 7 и 8) То же за 1908—09 и за 1910 г. По 2 р. за томъ.
- 9) Къ исторіи развитія основныхъ возрѣній въ агрономіи (актовая рѣчь) 1906 г. Ц. 40 к.
- 10) Химія растенія. Выпускъ 1-й. 1907 г. Ц. 80 к.
- 11) Ученіе объ удобреніи. 1912 г. (4-е изд.) Ц. 2 р. 20 к.
- 12) Земская агрономія въ Италиі. 1909 г. Ц. 15 к.
- 13) По высшимъ агроном. школамъ Европы (1910). Ц. 30 к.
- 14) Университеты и агрономія. 1910 г. Ц. 10 к.
- 15) Высшая школа, опытное дѣло и съѣзды (1911 г.). Ц. 15 к.
- 16) Частное земледѣліе. 4-е изданіе (1910). Ц. 2 руб. 20 к. (Рисунки къ нему 1 р. 50 к.):

Цѣна 20 коп.